

СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ БЕГ

УТРО В САДУ „ЭРМИТАЖ“

Михаил СССР

«То было в утро наших дней» 1900 год. Начало сезона в «Художественно-общедоступном» театре, в помещении «Эрмитажа», в Каретном ряду. Всего третий год жизни театра, а мой — первый в этом театре. Я — человек здесь, пришелец из Казани, из провинциального театра. Присматриваюсь к новым товарищам, изобретаю новую среду. Все в этом театре ново, необычно, неожиданно для меня — и само искусство, работа, учеба, учителя-режиссеры — Станиславский, Немирович-Данченко, актеры-ученики, почти сплошь молодые (кроме Артема и Вишневецкого, — эти постарше), в среднем 22—23-летние. Шутливый, тоненький **Москвин** — на вид совсем первокурсник театральной школы, **Киппер**, **Савицкий**, **Роксанова** — типичные курсистки, совсем не похожи на «настоящих» актрис.

«Да не идите вы в этот театр», — убеждал меня своим полтавским говором мой казанский актер-предприниматель **Бородай** — та вы ж настоящий актер, вам бы к Коршу попасть, у Корша «имена» — **Светлов**, **Яковлев**. Кабы вас туда позвали, я б не отговаривал. А этот «Художественный» — разве же это театр! Ни одного же «имени»! Все какие-то «Мерен... Мерленгольды» — на первых ролях, — **Меренгольды**, да **Кипперы**. Но я не послушался моего казанского предпринимателя и попал-таки в этот театр.

Присматриваюсь к новым лицам, прислушиваюсь к новым разговорам. Ясно встает в памяти солнечный, теплый день начала сентября. Почему-то нет репетиции в театре, все актеры разбрелись по саду «Эрмитажа», бродят по аллеям, разбродились на группы. Оживленные разговоры, горячие споры во весь голос — сад свой, публики чужой нет, стесняться нечего. Врывы хохота, дружные звонкие, залихватские. Во-

круг молодого толстяка **В. В. Лужского** целая толпа, кольцом его окружившая. Как-то по-медвежьи припльсывает на месте **Санин** — возбужденный, умиленный от восторга утыкается головой в живот **Лужского**. «Ну ка, Васюша, дай нам теперь **Федотову**, **Гийкерню** **Николаеву** — с **Музилом** **Николаем** **Ивановичем** из «**Волков**» сцену. Только тишина, дети! Абсолютная тишина, дети! Уйдите там **Всеволода** **Мейерхольда** и его новгородское вече! Этот номер требует абсолютной тишины, весь на полутонах!» — режиссирует молодой **Санин**, заказывая **Лужскому** «номера» из его тогда уже знаменитых по всей театральной Москве имитаций и пародий. «Теперь **Корсова**, **Хохлова**, **Южина**, **Михал** **Провыча** **Садовского**!» — Поступают заказы со всех сторон. И **Лужский** неутомимо, как граммофон, в котором одну за другой меняют пластинки, дает целую галерею тогдашних знаменитостей. Он замечательно имитировал и пародировал не только старых актеров, но и молодых актрис (например, **А. А. Яблочкину**) и даже, не имея голоса для пения, изобразил **Мазину**, **Таманю**, молодого «**Федю**» **Шалыпина**. «Абсолютнейшая тишина, дети, — не унимался **Санин**. — Сейчас **Васюша** **Лужский** даст новейший свой номер, только что сработанный, самый свежий, нежнейший номер — **Леничку** **Собинова**! Да уйдите же, дети, **Мейерхольда**! **Всеволод**, довольно тебе там выигрывать, возбуждать в населении бессмысленные мечтания и потрясать основы! Именем **Станиславского**, моего учителя, гребую, чтобы **Всеволод** **Мейерхольд**, ученик либеральствующего литератора **Владимира** **Немировича-Данченко**, злослышного в своем радикальном умонаклонении, — чтобы **Всеволод** **Мейерхольд**, уже на-

ходящийся на примете у наших ближайших соседей по Каретному ряду, — чинов жандармского отделения, — сейчас же прекратил свое громоглазное сеяние смуты в молодых умах юных жрецов чистого искусства! Сейчас не время для красноречия! Сейчас время для звуков сладких и молит! Разогнать всю зловерную банду вокруг **Мейерхольда**! — так кричал **Санин**, стилизуя свою речь под «**Московские ведомости**».

Завязывается спор, исконный русский спор. **Мейерхольд** говорит лучше всех, — умнее, убедительнее, искуснее всех, уверенно и темпераментно жестикулирует, но говорит просто и серьезно, совсем не по-актерски. Побивает всех не только темпераментом, но и несомненным превосходством эрудиции. Долетают из толпы отдельные выкрики **Мейерхольда**: «У Герцена это великолепно!», «**Михайловский** на этом просыпался», «**Плеханова** — Бельтова — книжка «**Монистический** взгляд на историю», «**Толстой** этого понять не может». «Вот **Кропоткин** в «**Записках революционера**», «Вы, толстовцы — обращайтесь к **Сулержичко**», — оживает медвежий услугу учредю... — ерошит волосы и почти кричит **Мейерхольд**. «Та я ж не толстовец, — истинным голосом уже вопит **Сулержичский**, — я толстовец сам терпеть не могу, в **Льва** **Никулича** уважаю и преклоняюсь».

«**Кропоткин** — **Чернышевский** — **Парижская коммуна** — **Ибсен**, **Гауптман**, **Чехов**, **Горький**... **Метерлинь**... **Ибсен**» — переселяют в толпе из уст в уста. «Ну, **Колька** — **Хам**, где ты пропадешь!» — звонко, весело и ласково кричит молодой, розовый, с густой шевелюрой желтоватых каштановых волос, широкоплечий коренастый **Грибунин**, пылающий здоровьем и полнокровием.

«**Колька** **Александров**, **Хам** **Халувич**, давай звонок! Пора бега начинать!»

Почти каждый день в саду «Эрмитажа» устраивались «бега» и отменялись только «по случаю ненастной погоды». Проводились эти бега со всей серьезностью, страстностью и азартом.

Фаворитами были: **Мейерхольд**, **Грибунин** и **Бурджалов**. Неизменным победителем был всегда **Мейерхольд** — и на резвость и на выносливость. Иногда голова в голову с ним приходил **Грибунин**. Вторым **Бурджалов**. Остальные — далеко позади. **Мейерхольд** бежал большими шагами, «крупными махом», выгнувшись всем корпусом вперед, высоко поднимая плечи. «Разве за **Всеволодом** угонишься», — «холостомер!» — говорил **Грибунин**, весь мокрый, бронзово-красный, оправдываясь перед судьями, среди которых главным был **Москвин**. **Александров** вытирал полотенцем пот с **Бурджалова** и **Грибунина**. «А посмотрите, —

на **Мейерхольда** — ни потинки! Вот что значит хорошо вести лошади! Умен, что и говорит! Ну и сердце крепкое, и шаг крупный.

Санин тихонько берет меня под руку, отводит в сторону:

«Вот, обрати внимание на нашего **Всеволода** **Эмильевича**, оцени это «явление». Это новейшая формация артиста! Оцени это соединение громаднейшей культуры, оригинального, большого, живого ума — вот с этой чудесной живостью гениального ребенка, с этой необузданностью юношеского темперамента. Боюсь, — прибавил он, понизив голос, — как бы ему не стало тесно у нас. Боюсь, что он не остановится, как сейчас, на финише, перед нашими судьями, а побежит дальше и дальше — убежит совсем от нас».

Через год **Мейерхольд** уже не было в Художественном театре.

Начался его славный победоносный, стремительный «бег» по России, по Европе и позже по СССР.

В. Э. Мейерхольд (первый слева) среди выпускников Физармонии.